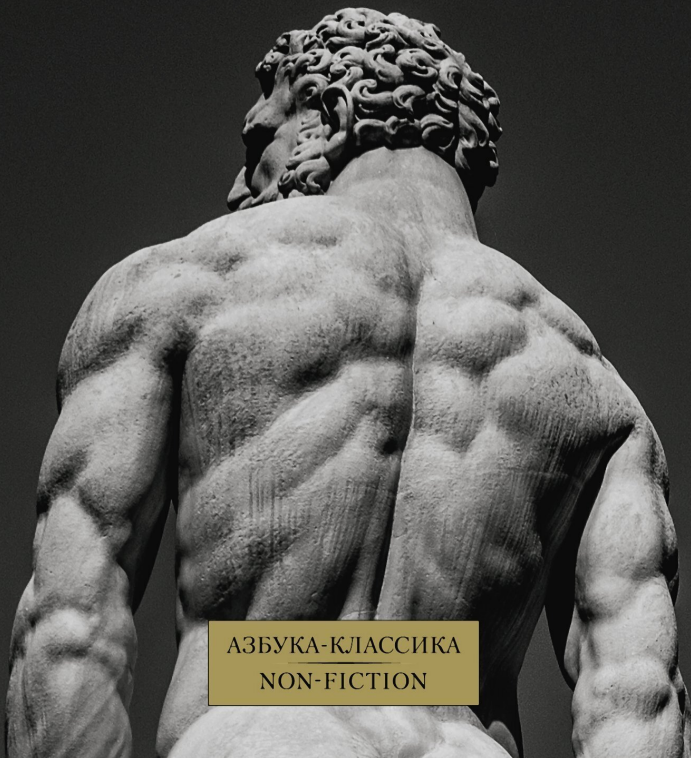

Фридрих
НИЦШЕ

Воля к власти

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Фридрих Вильгельм Ницше

Воля к власти

Серия «Азбука-Классика. Non-Fiction»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68690958

Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей: Амтликс; СПб.; 2023

ISBN 978-5-389-19657-5

Аннотация

Фридрих Ницше – гениальный немецкий мыслитель, под влиянием! которого находилось большинство выдающихся европейских философов и писателей первой половины XX века. Со свойственной ему парадоксальностью мысли, глубиной психологического анализа, яркой, увлекательной, своеобразной манерой письма Ницше развенчивает нравственные предрассудки всей европейской культуры.

Книга «Воля к власти» не была завершена Ницше и вышла в свет после смерти великого философа в реконструкции, предпринятой его сестрой Е. Ферстер-Ницше и сотрудниками архива. Тем не менее эта книга стала восприниматься как главный труд Ницше, явилась событием мировой культуры и оказала влияние не только на философию, но и на всю историю XX века.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	5
Воля к власти	27
Предисловие	27
Книга первая	30
К плану	30
I. Нигилизм	33
1. Нигилизм как следствие бывшего до сих пор в ходу толкования ценности бытия	33
2. Дальнейшие причины нигилизма	50
3. Нигилистическое движение как выражение декаданса	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Фридрих Вильгельм Ницше
Воля к власти
Опыт переоценки
всех ценностей

*** * ***

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

Введение

Перевод Г. Рачинского

Еще весной 1883 года, когда мы с братом были в Риме, он говорил, что намерен, как только окончит «Заратустру», написать свое главное теоретико-философское сочинение в прозе; когда же я осенью 1884 года в Цюрихе напомнила ему этот разговор и спросила о положении дела, он таинственно улыбнулся и намекнул, что пребывание в Энгадине было в этом отношении весьма плодотворно. Мы уже знаем из введения к восьмому тому, как велико было значение этого лета в деле разработки его главного прозаического труда. Однако нет никаких оснований думать, что основные мысли этого произведения возникли лишь в ту пору; нет, они уже полностью в поэтической форме содержатся в «Заратустре»; это совершенно ясно из того, что наброски и планы, относящиеся к концу 1882 года, то есть ко времени до возникновения первой части «Заратустры», имеют весьма большое сходство с идейным содержанием «Воли к власти».

Но само собой разумеется, что мир новых мыслей не мог быть исчерпан в «Заратустре»; он требовал еще и отдельного теоретико-философского прозаического изложения, продолжая в то же время из года в год расти и становиться отчетливее. Мы встречаемся поэтому в планах, относящихся к

лету 1884 года, все с теми же проблемами, что и в «Заратустре», а позднее в «Воле к власти». Все, что им было написано с этого времени, представляет лишь дальнейшее выяснение и изображение этих основных мыслей; так что о «Воле к власти» можно, пожалуй, сказать то же, что мой брат писал Якову Буркхардту по поводу «По ту сторону добра и зла», а именно, что в этом сочинении «говорится о тех же предметах, что и в „Заратустре“, но иначе, весьма иначе».

Что автор хотел переждать несколько лет (он говорит о шести и даже о десяти годах), прежде чем приступить к окончательной разработке этого огромного произведения, а пока собирал только драгоценные камни для стройки и занимался обширными подготовительными изысканиями по этому предмету, это более чем понятно. Кроме того, из планов, относящихся к лету 1884 года, можно усмотреть, что он в то время еще колебался в вопросе, какую из главных своих мыслей выдвинуть на первый план и сделать средоточием этого произведения: вечное ли возвращение или переоценку всех прежних высших ценностей, распорядок ли рангов вплоть до их вершины, сверхчеловека ли или волю к власти как принцип жизни, роста и стремления к господству. Но с каждым годом он, по-видимому, все яснее сознавал, что необычайная сложность жизненной ткани лучше всего может найти свое выражение в «Воле к власти».

Здесь уместно задаться вопросом: когда же, собственно, у философа впервые зародилась эта мысль о воле к власти как

воплощенной воле к жизни? На подобные вопросы в высшей степени трудно дать ответ, так как у моего брата корни его главных мыслей всегда приходится искать в весьма отдаленном времени. Для него, как и для здорового, могучего дерева, нужны были долгие годы, прежде чем мысли его могли получить свою окончательную форму и ясные очертания, за исключением, впрочем, одной – вечного возвращения, которая предстала ему впервые летом 1881 года, а год спустя получила свое выражение. Быть может, мне будет позволено привести здесь одно воспоминание, которое даст кое-какие указания относительно времени первого возникновения мысли о воле к власти.

Осенью 1885 года, перед тем как уехать с мужем в Парагвай, мы с братом предприняли целый ряд чудесных прогулок в окрестностях Наумбурга, чтобы повидать еще раз места, где протекло наше детство. Так, однажды мы бродили между Наумбургом и Пфортю по возвышенностям, с которых открывался замечательный вид; в этот вечер освещение было особенно красиво: желтовато-красное небо было покрыто темными, черными облаками, сообщавшими всему окружающему какой-то странный колорит. Эта картина вызвала брата на замечание, что облака эти напоминают ему один вечер из тех времен (1870), когда он был санитаром на театре войны (нейтральная Швейцария не позволяла профессору своего университета отправиться на войну в качестве солдата). Обучившись уходу за больными в Эрлангене, он по-

лучил от тамошнего комитета поручение отправиться в качестве уполномоченного и начальника санитарного отряда на поле битвы. Ему доверены были большие суммы и дан был ряд личных поручений, так что ему пришлось переезжать от лазарета к лазарету, от одной амбулатории к другой в районе военных действий, останавливаясь только для того, чтобы помочь раненым и умирающим и принять от них их последнее «прости» близким и родным. Что пришлось при этом перенести за это время сострадательному сердцу моего брата, не поддается описанию; еще месяцы спустя ему слышались стоны и жалобные вопли несчастных раненых. В первые годы он почти не мог говорить об этом, и, когда Роде¹ однажды в моем присутствии пожаловался, что так мало слышал от своего друга о пережитом им в бытность его санитаром, брат мой с выражением муки на лице заметил: «Об этом *не надо* говорить, это невозможно; нужно гнать от себя эти воспоминания!» И в тот осенний день, о котором я начала говорить, он рассказал мне только, как однажды вечером, после всех этих ужасных скитаний, он «с сердцем, почти разбитым состраданием», приехал в маленький городок, через который пролегла большая дорога. Когда он обогнул городскую стену и прошел несколько шагов вперед, то вдруг услышал шум и грохот, и мимо него, как сверкающая мол-

¹ Роде Эрвин (1845–1898) – выдающийся немецкий филолог-классик; познакомился с Ницше, когда изучал филологию в Бонне и Лейпциге. – *Здесь и далее примеч. ред.*

ниями туча, пронесся красивый кавалерийский полк, великолепный, как выражение народного мужества и задора. Но вот стук и гром усилились, и за полком в стремительнейшем темпе понеслась его любимая полевая артиллерия, и, ах, как больно было ему не иметь права вскочить на коня и быть вынужденным сложа руки стоять у этой стены! Напоследок шла пехота беглым шагом: глаза сверкали, ровный шаг звенел по крепкому грунту, как могучие удары молота. И когда все это шествие вихрем пронеслось мимо него в битву, быть может, навстречу смерти, столь величественное в своей жизненной силе, в своем мужестве, рвущемся в бой, являя собой такое полное выражение расы, решившей победить, властвовать или погибнуть, «тогда я ясно почувствовал, сестра, – так закончил свой рассказ мой брат, – что сильнейшая и высшая воля к жизни находит свое выражение не в жалкой борьбе за существование, но в воле к битве, к власти и превосходству!» «Но, – продолжал он, немного помолчав и вглядываясь в пылающее вечернее небо, – я чувствовал также, как хорошо то, что Вотан² влагает жестокое сердце в грудь вождей; как могли бы они иначе вынести страшную ответственность, посылая тысячи на смерть, чтобы тем привести к господству свой народ, а вместе с ним и себя». Многие, бесконечно многие пережили в то время нечто подобное, но глаза философа смотрят иначе, чем глаза остальных людей, и он извлекает

² *Вотан* – германский бог-колдун, соответствующий верховному богу скандинавского пантеона Одину, покровитель воинских союзов.

новые познания из таких переживаний, которые ничего не дают другим. Насколько иным и несравненно более сложным должно было казаться ему столь превозносимое Шопенгауэром чувство сострадания, когда он впоследствии, возвращаясь мысленно к этим событиям, сопоставлял это чувство с представшим тогда его взору чудесным видением воли и жизни, битвы и мощи. В этой последней воле он видел такое душевное состояние, которое обеспечивает человеку полную гармонию его наиболее могущественных инстинктов, его совести и его идеалов; это состояние он усматривал не только в исполнителях такой воли к власти, но также, и прежде всего, в самом полководце. Наверное, именно тогда впервые перед ним предстала проблема страшного и губительного влияния, которое может иметь сострадание как некоторая слабость в те высшие и труднейшие минуты, когда решается судьба народов, и насколько справедливо поэтому предоставление великому человеку, полководцу, права жертвовать людьми для достижения высших целей.

В какой глубокой захватывающей форме появляется впервые эта мысль о воле к власти в поэтических образах «Заратустры»; при чтении главы «О самопреодолении» во мне всегда встает тихое воспоминание об изображенных мною только что переживаниях, в особенности при следующих словах:

«Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти; и даже в воле служащего находил я волю быть

господином».

«Чтобы сильнейшему служил более слабый – к этому побуждает воля его, которая хочет быть господином над еще более слабым: лишь без этой радости не может он обойтись».

«И как меньший отдает себя большему, чтобы тот радовался и власть имел над меньшим, – так приносит себя в жертву и больший и из-за власти ставит на доску – жизнь свою».

«В том и жертва великого, чтобы было в нем дерзновение, и опасность, и игра в кости насмерть».

Весной 1885 года, по завершении четвертой части «Заратустры», мой брат, насколько можно судить по его заметкам, уже решил сделать волю к власти как жизненный принцип средоточием своей главной теоретико-философской работы. Нам попадаетесь заглавие: «Воля к власти, толкование мирового процесса». Зимой 1885–1886 годов он собирался сначала написать на эту тему небольшое сочинение, к которому у нас имеется целый ряд набросков. Он называет его: «Воля к власти. Опыт нового миротолкования». Совершенно понятно, что он останавливался в смущении перед необъятностью задачи: изобразить волю к власти в природе, жизни, обществе как волю к истине, религии, искусству, морали, проследив ее во всех ее отдаленнейших последствиях. Увы, как часто, вероятно, ему приходилось с отчаянием говорить себе: «Один! Всегда один! И один в этом огромном лесу, в этих дебрях!» И вот, чтобы хоть немного облегчить себе задачу и

сделать ее обозримее, он все снова и снова пробует разбить свой большой труд на более мелкие, менее объемистые трактаты. Так, весной 1886 года он набрасывает план десяти новых произведений, которые могли бы быть выпущены в свет в качестве новых «Несвоевременных размышлений».

Но во время своего пребывания в Лейпциге в мае-июне 1886 года, в то время как он вел переговоры с издателем по поводу напечатания «По ту сторону...», он пришел к окончательному решению, независимо от «По ту сторону...», которое должно было представлять некоторое предуготовление к большому произведению (на самом же деле было отдельным куском этого последнего), посвятить ближайшие годы целиком разработке и печатанию «Воли к власти». Я вправе, быть может, высказать предположение, что это пребывание (в мае-июне 1886 года) в Лейпциге отняло у него последнюю надежду найти себе сотоварищей и сотрудников для этой большой работы. Эта надежда на сотрудничество друзей, которая при слабости его глаз представлялась для него вдвойне соблазнительной и, несмотря на пережитые им крупные разочарования, постоянно вновь пробуждалась в нем, была от дней юности восторженной грезой его души – грезой, которой не суждено было осуществиться. Он пишет:

«Проблемы, перед которыми я стоял, представлялись мне проблемами столь коренной важности, что мне почти каждый год по нескольку раз представлялось, что мыслящие люди, которых я

знакомил с этими проблемами, должны были бы из-за них отложить в сторону свою собственную работу и всецело посвятить себя моим задачам. То, что каждый раз в результате получалось, представляло такую комическую и жуткую противоположность тому, чего я ожидал, что я, старый знаток людей, стал стыдиться самого себя и был принужден снова и снова усваивать себе ту элементарную истину, что люди придают своим привычкам в сто тысяч раз больше важности, чем даже своим выгодам...»

Все дельные люди, бывшие его друзья и знакомые, казались погруженными в свои собственные работы; даже Петер Гаст, единственный помогавший ему друг, ставил все же главной задачей своей жизни и деятельности, согласно желаниям самого моего брата, занятие музыкой. А полезны могли быть ему только наиболее способные из сотрудников. Тогда его охватила мучительная уверенность, что он никогда не найдет себе сотоварища для труднейших своих работ, что ему придется все, все делать одному и в абсолютном одиночестве совершать своей трудный путь.

Летом 1886 года, во время чтения корректур «По ту сторону...», которым брат занимался в Сильс-Марии, он пользовался каждым свободным часом для разборки накопившегося материала для предполагавшихся четырех томов его главного сочинения. Он свел воедино весь план своей колоссальной работы и наметил ход мыслей, охватывавший все произведение и в существенных своих чертах, за малыми из-

менениями сохраненный им до конца. (Содержание третьей книги вошло впоследствии в четвертую, и вставлена была совершенно новая третья книга.)

План, относящийся к лету 1886 года, гласит следующее:

«Воля к власти»

Опыт переоценки всех ценностей

В четырех книгах

Книга первая: наивысшая опасность (изображение нигилизма как *неизбежного следствия прежних оценок*). Огромные силы освобождены от оков, но они находятся в противоречии друг к другу; *раскованные* силы взаимно *уничтожают* себя. В демократическом строе общества, где всякий — специалист, нет места для «зачем?», «для кого?». Нет *состояния*, в существовании которого многообразные формы страдания и гибели всех отдельных (обращение их жизни в некоторую функцию) находили бы свой *смысл*.

Вторая книга: критика ценностей (логика и т. д.). Везде выставить на вид дисгармонию между идеалом и отдельными его условиями (например, честность у христиан, постоянно принужденных прибегать ко лжи).

Третья книга: проблема законодателя (в ней история одиночества). Раскованные силы надо вновь связать, дабы они не уничтожали друг друга; открыть глаза на действительное *умножение* силы!

Четвертая книга: молот. Какие свойства должны иметь люди, устанавливающие обратные ценности? Люди, которые обладают *всеми* свойствами современной души, но в то же время и достаточно сильны для возвращения этим свойствам полного здоровья; их средства для достижения этой задачи.

Сильс-Мария, лето 1886 г.

Было бы совершенно ошибочно, если бы мы вздумали предположить, что автор «Воли к власти» хотел дать в этом произведении свою систему. Мы знаем, как мало доверял он всяким системам и как всегда считал он печальным признаком для философа, когда тот замораживал свои мысли в систему. «Систематик – это такой философ, – восклицает он, – который не хочет больше признавать, что дух его *живет*, что он, подобно дереву, мощно стремится вширь и ненасытно захватывает все окружающее, – философ, который решительно не знает покоя, пока не выкроит из своего

духа нечто безжизненное, нечто деревянное, четырехугольную глупость, систему».

Бесспорно, он желал изобразить в этом большом произведении свою философию, свое мировоззрение, но во всяком случае не как *догму*, но как предварительный регулятив для дальнейших исследований.

Осенью 1886 года брату пришлось прервать на несколько месяцев свою работу над «Волей к власти», так как он писал в это время предисловие для нового издания своих ранее появившихся сочинений, а также пятую книгу «Веселой науки», но в январе 1887 года все было готово к печати и отослано; он вернулся снова к работе над своим главным сочинением. Февраль 1887 года принес с собой страшное землетрясение в Ницце, которое он пережил с замечательным спокойствием и присутствием духа. Он пишет по этому поводу Гасту 24 февраля 1887 года: «Любезный друг, быть может, вас обеспокоили известия о нашем землетрясении; пишу вам два слова, чтобы сообщить по крайней мере, как дело обстоит относительно меня. Весь город переполнен людьми с потрясенными нервами, паника в отелях прямо невероятная. Этой ночью, около 2–3 часов, я сделал обход и навестил некоторых из своих добрых знакомых, которые на открытом воздухе, на скамейках или в пролетках, надеялись избежать опасности. Сам я чувствую себя хорошо: страха не было ни минуты, скорее очень много иронии!»

Ницца совершенно опустела после этого происшествия,

что не помешало, однако, моему брату остаться там на все заранее намеченное им время, несмотря даже на повторение подземного удара. Его так мало затронули эти внешние обстоятельства, что он среди всех волнений, вызванных землетрясением в Ницце, невозмутимо продолжал комбинировать в своем уме основную свою работу, и притом по нижеследующему плану:

«Воля к власти»

Опыт переоценки всех ценностей

Первая книга

Европейский нигилизм

Вторая книга

Критика существующих высших ценностей

Третья книга

Принцип новой оценки

Четвертая книга

Воспитание и дисциплина.

Набросано 17 марта 1887, Ницца

Этот план, который по своему общему распорядку почти тождествен с вышеприведенным планом, относящимся к ле-

ту 1886-го, оставался в силе до конца зимы 1888 года. В заключительных замечаниях мы еще подробнее скажем о позднейших планах и отдельных фазах возникновения «Воли к власти».

Мы со своей стороны были принуждены положить в основу настоящего издания план от 17 марта 1887 года, ибо он был единственным, дававшим довольно ясные указания относительно конструкции произведения. Кроме того, широкие общие точки зрения, намеченные в рубриках плана, оставляют огромный простор для размещения, сообразно его смыслу, богатого материала, имеющегося в наличии и относящегося к этому и другим планам. Этот план оказался особенно удобным для настоящего нового издания, благодаря чему многие главы связаны друг с другом совершенно последовательным ходом мыслей. Но естественно, что и теперь еще есть много пробелов, так что вдумчивый читатель сам принужден приложить руку к делу, чтобы достигнуть общего взгляда на целое.

Предлагаемое произведение представляет в настоящем своем виде немаловажное преимущество: оно дает возможность в значительно большей степени, чем первое издание, заглянуть в духовную лабораторию автора. Мы как бы видим перед своими глазами возникновение мыслей и можем одновременно наблюдать, как беспристрастно мой брат проверяет свои собственные мысли, не пытаясь никогда скрывать от себя возможные слабые и недоказуемые стороны постав-

ленных им проблем. Обстоятельность, с которой они кое-где трактованы, автор в законченном произведении, быть может, устранил бы (хотя этого нельзя утверждать с уверенностью), для нас же она является большим преимуществом, так как дает нам возможность лучше проникнуть в ход его мыслей. Как много недоразумений может вызывать краткость изложения его мыслей, тому поучительным примером может служить «Падение кумиров».

Автор прямо называет «Падение кумиров» извлечением из «Воли к власти»; но как ошибочно была понята эта маленькая книжка именно ввиду ее краткости. Читатели, по-видимому, предположили, что эти основополагающие новые мысли представляют собою просто беглые наброски; никто, по-видимому, и не подозревал, на какие широкие предварительные исследования они опирались. Будем надеяться, что настоящее новое издание «Воли к власти» даст об этом лучшее представление.

Число афоризмов в этом новом издании увеличено. При этом, конечно, попадают повторения, но каждый раз с другим оттенком и в другой связи, что необыкновенно способствует уяснению мысли. Многим импровизациям и некоторым, так сказать, пробным постановкам вопросов и проблем вдумчивый читатель сумеет сам дать надлежащее толкование и сам попытается установить то или другое решение задачи. «Но прежде всего, – как говорит Петер Гаст, – он будет восхищен неисчерпаемостью ницшевского гения в обра-

ботке намеченных тем: как он все снова и снова кружит вокруг них, находя в них все более неожиданные стороны, и при этом умеет выразить их в словах, передающих их внутреннее существо».

Грандиозный труд, представший перед очами автора, остался неоконченным. Нам, издателям ницшевского архива, выпало на долю, по мере слабых наших сил, добросовестно собрать в одно целое, руководствуясь дошедшими до нас указаниями автора, драгоценные камни, заготовленные для стройки. Этого не удалось сделать тотчас при первом же издании в удобной для обозрения целого форме, и тяжело было тогда, вспоминая намерения автора, выпускать в свет этот труд в таком несовершенном виде. Быть может, это новое, значительно дополненное издание вышло немного удачнее; но если представить себе, как собственная рука мастера разработала бы этот огромный материал, с той же логической последовательностью, как, например, в «Генеалогии морали», пронизав его блеском своего несравненного стиля, – какое произведение мы бы имели теперь пред собою! И что еще более углубляет нашу печаль, это то, что мы из его личных набросков знаем, как он представлял себе выполнение своего главного философско-теоретического труда:

«**К введению:** мрачная уединенность и пустынность *Campana romana*³. Терпение в неопределенном и

³ *Campana romana* (ит., Кампанья романа, прежде равнина Лация) – долина, в которой был основан Рим.

неизвестном».

«Мое произведение должно содержать *общий приговор* над нашим столетием, над всей современностью, над *достигнутой* „цивилизацией“».

«Каждая книга есть завоевание, хватка *tempo lento*⁴, до самого конца драматическая поза, наконец, *катастрофа* и внезапное *искупление*».

Нельзя без чувства глубокого волнения читать приводимую ниже обстоятельную заметку, в которой автор сам устанавливает для себя ту руководящую нить, которой он предполагает держаться при выполнении своей основной работы. Он облакает эти предначертания пока в форму афоризма и дает им заголовок: «Совершенная книга». Но чем дальше он подвигается в этом изложении своих предначертаний, тем заметнее становится, что речь идет о его собственной книге, и именно о том главном его произведении, в котором он вознамерился изобразить во всей полноте свою философию. Он пишет осенью 1887 года:

«*Совершенная книга*. Иметь в виду:

1. Форма, стиль. *Идеальный монолог*. Все, имеющее „ученый“ характер, скрыто в глубине. Все акценты глубокой страсти, заботы, а также слабостей, смягчений; *солнечные* места – короткое счастье, возвышенная веселость. Преодоление стремленья доказывать; абсолютно *лично*. Никакого „я“. Род мемуаров; наиболее абстрактные вещи – в самой живой

⁴ Протяжно (*ит., муз. термин*).

и жизненной, полной крови форме. Вся история – как *лично пережитая*, результат *личных страданий* (только так все будет *правдой*). Как бы беседа духов; вызов, заклинание мертвых. Возможно больше видимого, определенного, данного на примере; но остерегаться вопросов настоящего дня; избегать слов „аристократично“, „благородно“ и вообще всех слов, могущих вызвать предположение, что автор выводит на сцену самого себя. Не „описание“; все проблемы переведены на язык *чувства*, вплоть до страсти.

2. Коллекция *выразительных* слов. Предпочтение отдавать словам военным. Слова, *замещающие* философские термины: по возможности немецкие и отчеканенные в формулу. Изобразить все *состояния наиболее духовных людей* так, чтобы охватить их ряд во всем произведении (состояния законодателя, искусителя, человека, принужденного к жертвоприношению, колеблющегося; великой ответственности, страдания от непознаваемости, страдания от необходимости казаться не тем, что ты есть, страдания от необходимости причинять другому боль, сладострастие разрушения).

3. Построить все произведение с расчетом на конечную *катастрофу...*»

Я прибавлю еще несколько пояснений по поводу тем, трактуемых главным образом в первых двух книгах «Воли к власти»: нигилизма и морали. Известно, как неверно было понято отношение автора именно к этим двум матери-

ям. Быть может, именно слова «нигилизм», «иммориализм», «неморальность» («нигилистично», «неморально») подали главным образом повод к недоразумению. Поэтому я еще раз хочу подчеркнуть, что *нигилизм* и *нигилистично* ничего не имеют общего с какой-либо политической партией, но обозначают то состояние, при котором отвергаются ценность и смысл жизни, а равным образом и всякие идеалы. Столь же мало общего имеют слова *иммориализм*, *неморальность* с половой невоздержанностью и распушенностью, как то предположили пошлые, грубые и глупые люди, основываясь на том, что в обыденной жизни эти слова иногда употребляются в подобном смысле. Мой брат понимал под моралью «систему оценок, соприкасающуюся с нашими жизненными условиями». Против этой системы наших современных оценок, не находящих себе оправдания в данных физиологии и биологии, а потому противоречащих смыслу жизни, обращены его термины «иммориалист» и «неморальность». Быть может, было бы лучше, если бы он в этих целях установил и употреблял слова «амориализм» и «аморально», ибо, несомненно, много недоразумений было бы тем предотвращено. В общем же мне хотелось бы еще подчеркнуть, что критику наших современных моральных ценностей может себе позволить только такой высоко стоящий философ, как Ницше, который всем своим жизненным поведением столь ясно доказал, что он не только совершеннейшим образом осуществляет эти ценности, но стоит выше их, почему и имеет право

поставить себе еще более высокую цель и еще более высокие требования. Подобные цели и проблемы – удел весьма немногих; во всяком случае, для этого надо иметь, как он сам пишет, «чистые руки, а не грязные лапы».

Но прежде всего я должна еще раз обратить внимание на то, что его философия имеет в виду распорядок рангов, а *не* индивидуалистическую мораль: «стадное понимание пусть и царит в стаде, но не переходит за пределы его». Но он не только говорит, что мы должны быть глубоко благодарны морали за то, что она совершила в течение тысячелетий, но он требует и безусловного признания святости бывшей до сего времени в ходу морали. Тот, кто желает стать выше ее, должен за то нести и страшную ответственность и доказать свое право на это незаурядными поступками. Петер Гаст пишет об этом: «Ницше проповедует *только* исключительным людям и *предкам* будущих исключительных людей. До народа ему нет дела; для народа тысячи „мыслителей“ в досталь излагали свои мысли, а для более редких почти никто. Правда, что косвенным путем, через посредство таких исключительных людей, дух Ницше проникнет и в массы и очистит когда-нибудь воздух от всего изнеживающего, ослабляющего, порочного нашей культуры. Ницше – нравственная сила первого ранга! Нравственнее, чем все, что ныне называет себя нравственным!»

Быть может, также слова «стадо», «стадное животное», «стадная мораль» могли вызвать неприятное впечатление;

мой брат сам воспользовался случаем сказать по этому поводу кое-что в свое оправдание: «Я сделал открытие, но это открытие не из приятных: оно унижительно для нашей гордости. Как бы мы ни считали себя свободными, мы – свободные духом, ибо мы говорим здесь „между нами“, но в нас также живет чувство, которое все еще оскорбляется, когда кто-нибудь причисляет человека к животным; поэтому с моей стороны представляется тяжким проступком и нуждается в оправдании, что я постоянно бываю принужден говорить о нас в терминах „стадо“ и „стадные инстинкты“». Правда, он не считает нужным давать объяснения, почему он выбрал именно эти термины и так обильно пользуется ими; я думаю, только потому, что сам он (хотя он шутливо и утверждает противное) не находил в этих словах ничего обидного: ведь выросли мы в религиозном кругу, а в этом кругу «стадо» и «пастух» употребляются без всякого связанного с ними унижительного смысла.

Да и вообще, некоторые его выражения, которым он часто придавал совершенно новый смысл, неоднократно вызывали недоразумения, как, например, «злоба» и «злой». В обоих этих словах прежде слышался оттенок чего-то «коварного» и «дурного», между тем как он понимал под этим нечто жесткое, строгое и вместе с тем заносчивое, но во всяком случае также и некоторый повышенный строй души. Поэтому он и пишет Брандесу: «Многие слова у меня пропитались совсем другими солями и для моего языка имеют совсем дру-

гой вкус, чем для моих читателей».

О личном отношении моего брата к христианству я буду иметь случай дать кое-какие объяснения в введении к десятому тому, где будет помещен «Антихрист».

К сожалению, условия места принудили нас разделить «Волю к власти» на две части, и притом не особенно удачно, так как меньшая часть третьей книги перешла при этом в десятый том. Но тома девятый и десятый так тесно связаны между собой по своему содержанию, что должны быть непременно прочитаны один за другим; поэтому в конце концов безразлично, на каком делении остановиться.

Елизавета Ферстер-Ницше

Веймар, август 1906 г.

Воля к власти

Опыт переоценки всех ценностей

Предисловие

Перевод Е. Герцык

1

Великие предметы требуют, чтобы о них молчали или говорили величественно: величественно, то есть цинично и с непорочностью.

2

То, о чем я повествую, это история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: *появление нигилизма*. Эту историю можно уже теперь рассказать, ибо сама необходимость приложила здесь свою руку к делу. Это будущее говорит уже в сотне признаков, эта судьба повсюду возвещает о себе, к этой музыке будущего уже чутко прислушиваются все уши.

Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто; подобно потоку, стремящемуся к своему *исходу*, не задумываясь, боясь задуматься.

3

Говорящий здесь, наоборот, только и занят был до сих пор тем, что *задумывался*: как философ и отшельник по инстинкту, находивший свою выгоду в том, чтобы жить в стороне, вне движения, терпеть, не торопиться, оставаться позади; как смелый и испытующий дух, уже блуждавший когда-то по каждому из лабиринтов будущего; как дух вещей птицы, *обращающий назад свои взоры*, когда он повествует о грядущем; как первый совершенный нигилист Европы, но уже переживший в себе до конца этот самый нигилизм, имеющий этот нигилизм за собой, под собой, вне себя.

4

Ибо пусть не ошибаются относительно смысла заглавия, приданного этому евангелию будущего. «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей». В этой формуле выражено некоторое *противоборствующее движение* по отношению

к принципу и задаче, движение, которое когда-нибудь в будущем сменит вышесказанный совершенный нигилизм, но для которого он является *предпосылкой* логической и психологической, которое может возникнуть исключительно *после него и из него*. Ибо почему появление нигилизма в данное время *необходимо*? Потому, что все наши бывшие до сих пор в ходу ценности сами находят в нем свой последний вывод; потому, что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов; потому, что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности была *ценность* этих «ценностей»... Нам нужно когда-нибудь найти *новые ценности*...

Книга первая

Европейский нигилизм

Перевод Е. Герцык

К плану

1. Нигилизм стоит за дверями: откуда идет к нам этот самый жуткий из всех гостей? Исходная точка: *заблуждение* – *указывать на «бедственное состояние общества», или «физиологическое вырождение», или, пожалуй, еще на испорченность как на причины нигилизма.* Это – наичестнейшая и со-страдательнейшая эпоха. Нужда, душевная, телесная, интеллектуальная нужда сама по себе решительно не способна породить нигилизм (то есть радикальное отклонение ценности, смысла, желательности). Эти нужды допускают все еще самые разнообразные истолкования. Напротив, *в одном вполне определенном толковании,* христиански-моральном, заложен корень нигилизма.

2. Гибель христианства – от его морали (она неотделима); эта *мораль* обращается против христианского Бога (чувство правдивости, высоко развитое христианством, начинает испытывать *отвращение* к фальши и изолганности всех хри-

стианских толкований мира и истории. Резкий поворот назад от «Бог есть истина» к фанатической вере «Все ложно». Буддизм *дела...*).

3. Скепсис по отношению к морали является решающим. Падение *морального* мироистолкования, не находящего себе более *санкции*, после того как им была сделана попытка найти убежище в некоторой потусторонности: в последнем счете – нигилизм. «Все лишено смысла» (невозможность провести до конца толкование мира, на которое была потрачена огромная сила, вызывает сомнение, не ложны ли *все* вообще истолкования мира). Буддистская черта, стремление в Ничто. (Индийский буддизм *не* имеет за собой коренного морального развития, поэтому в его нигилизме является только непреодоленная мораль: бытие как наказание, комбинированное с бытием как заблуждением, следовательно, заблуждение как наказание – моральная оценка.) Философские попытки преодолеть «морального Бога» (Гегель, пантеизм). Преодоление народных идеалов: мудрец, святой, поэт. Антагонизм «истинного», «прекрасного» и «доброго».

4. Против «бессмысленности», с одной стороны, против моральных оценок, с другой стороны: в какой мере вся наука и философия были до сих пор под властью моральных суждений? И не получается ли тут в придачу вражда со стороны науки или антинаучности? Критика Спинозизма. В социалистических и позитивистских системах везде задержавшиеся христианские оценки. Недостает *критики христианской мо-*

рали.

5. Нигилистические следствия современного естествознания (рядом с попытками бегства в потустороннее). Как *следствие* занятия им – в конце концов саморазложение; поворот против *себя*, антинаучность. С Коперника человек катится от центра в *х*.

6. Нигилистические следствия политического и экономического образа мыслей, где все «принципы» прямо могут быть отнесены к актерству: веяние посредственности, ничтожества, неискренности и т. д. Национализм. Анархизм и т. д. Наказание. Недостает *искупляющего* сословия и человека, оправдывателей.

7. Нигилистические выводы «истории» и «*практических* историков», то есть романтиков. Положение искусства: абсолютная неоригинальность его положения в современном мире. Его помрачение. Так называемое олимпийство Гёте.

8. Искусство и приуготовление нигилизма: романтика (вагнеровское заключение «Нибелунгов»⁵).

⁵ Имеется в виду знаменитая тетралогия Вагнера «Кольцо Нибелунга».

I. Нигилизм

1. Нигилизм как следствие бывшего до сих пор в ходу толкования ценности бытия

2

Что обозначает нигилизм? – *То, что высшие ценности теряют свою ценность.* Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?».

3

Радикальный нигилизм есть убеждение в абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей; к этому присоединяется *сознание*, что мы не имеем ни малейшего права признать какую-либо потусторонность или существование вещей в себе, которое было бы «божественным», воплощенной моралью.

Это сознание есть следствие возвращенной «правдивости»; следовательно, само оно – результат веры в мораль.

Какие *преимущества* представляла христианская моральная гипотеза?

1) Она придавала человеку абсолютную *ценность* в противоположность его малости и случайности в потоке становления и исчезновения;

2) она служила адвокатам Бога, оставляя за миром, несмотря на страдание и зло, характер *совершенства*, включая сюда и «свободу»: зло являлось полным *смысла*;

3) она полагала в человеке *знание* абсолютных ценностей и тем давала ему именно для важнейшего *адекватное* познание;

4) она охраняла человека от презрения к себе как к человеку, от восстания с его стороны на жизнь, от отчаяния в познании: она была *средством сохранения*.

In summa⁶: мораль была великим *средством для противодействия* практическому и теоретическому нигилизму.

Но среди тех сил, которые взрастила мораль, была *правдивость*: эта последняя в конце концов обращается против

⁶ В сумме, в итоге (лат.).

морали, открывает ее *телеологию*, ее *корыстное* рассмотрение вещей, и теперь *постижение* этой издавна вошедшей в плоть и кровь изолганности, от которой уже отчаивались отделаться, действует прямо как стимул. Мы констатируем теперь в себе потребности, насажденные долгой моральной интерпретацией, потребности, представляющиеся нам теперь потребностью в неправде; с другой стороны, это те самые потребности, с которыми, по-видимому, связана ценность, ради которой мы выносим жизнь. Этот антагонизм – *не* ценить того, что мы познаем, и не быть более *вправе* ценить ту ложь, в которой мы хотели бы себя уверить, – вызывает процесс разложения.

6

Антиномия вот в чем: поскольку мы верим в мораль, мы *осуждаем* бытие.

7

Высшие ценности, в служении которым *должна была бы* состоять жизнь человека, в особенности тогда, когда они предъявляют к нему самые тяжелые и дорого обходящиеся требования, эти *социальные ценности* – дабы *усилить* их значение как неких велений Божьих – были воздвигнуты над

человеком как «реальность», как «истинный» мир, как надежда и *грядущий* мир. Теперь, когда выясняется низменный источник этих ценностей, тем самым и вселенная представляется нам обесцененной, «бессмысленной»... но это только *переходное состояние*.

8

Нигилистический вывод (вера в отсутствие ценностей) как следствие моральной оценки: *эгоистическое ненавистно нам* (даже при сознании невозможности неэгоистического); *необходимость нам ненавистна* (даже при сознании невозможности *liberum arbitrium*⁷ и «умопостигаемой свободы»). Мы видим, что не достигаем той сферы, в которую мы вложили свои ценности, но тем самым та другая сфера, в которой мы живем, *еще нимало не* выиграла в ценности: напротив того, мы *устали*, ибо потеряли главное наше побуждение. «Доселе напрасно!»

9

Пессимизм как форма, предшествующая нигилизму.

⁷ Свободы выбора, свободы воли (лат.).

10

А. Пессимизм как сила – *в чем?* В энергии его логики, как анархизм и нигилизм, как аналитика.

В. Пессимизм как упадок – *в чем?* Как изнеженность, как космополитическая сочувственность, как «tout comprendre»⁸ и историзм.

Критическая напряженность: крайности выступают вперед и получают перевес.

11

Логика пессимизма – что влечет ее к крайнему нигилизму? Понятия отсутствия ценности, отсутствия смысла, поскольку моральные оценки скрываются за всеми другими высокими ценностями.

Результат: *моральные оценки суть обвинительные приговоры, отрицания, мораль есть отвращение от воли к бытию...*

12

Падение космологических ценностей.

⁸ Все понять, всепонимание (фр.).

А.

Нигилизм как психологическое состояние должен будет наступить, *во-первых*, после поисков во всем совершающемся «смысла», которого в нем нет: ищущий в конце концов падает духом. Нигилизм является тогда осознанием долгого *расточения* сил, мукой «тщетности», неуверенностью, отсутствием возможности как-нибудь отдохнуть, на чем-нибудь еще успокоиться – стыдом перед самим собою, как будто самого себя слишком долго *обманывал*... Искомый смысл мог бы заключаться в следующем: «осуществление» некоего высшего нравственного канона во всем совершающемся, нравственный миропорядок; или рост любви и гармонии в отношениях живых существ; или приближение к состоянию всеобщего счастья; или хотя бы устремление к состоянию всеобщего «ничто» – цель сама по себе есть уже некоторый смысл. Общее всем этим родам представлений – предположение, что нечто должно быть *достигнуто* самим процессом: и вот наступает сознание, что становлением *ничего* не достигается, *ничего* не обретается... Следовательно, разочарование в кажущейся *цели становления* как причина нигилизма: разочарование по отношению к вполне определенной цели или вообще сознание несостоятельности всех донныне существующих гипотез цели, обнимающих собой весь путь «развития» (человек *более* не сотрудник и менее всего средоточие всякого становления).

Нигилизм как психологическое состояние наступает, *во-*

вторых, тогда, когда во всем совершающемся и подо всем совершающимся предполагается некая *цельность, система, даже организация*: так что душа, жаждущая восхищения и благоговения, упивается общим представлением некоторой высшей формы власти и управления (если это душа логика, то достаточно уже абсолютной последовательности и реальной диалектики, чтобы примирить ее со всем...). Какое-либо единство, какая-либо форма «монизма»; и как последствие этой веры – человек, чувствующий себя в тесной связи и глубокой зависимости от некоего бесконечно превышающего его целого, как бы *modus⁹ божества*... «Благо целого требует самопожертвования отдельного...» И вдруг – такого «целого» *нет!* В сущности, человек теряет веру в свою ценность, если через него не действует бесконечно ценное целое; иначе говоря, он создал такое целое, *чтобы иметь возможность верить в свою собственную ценность*.

Нигилизм как психологическое состояние имеет еще *третью, и последнюю, форму*. Если принять те два *положения*, что путем становления ничего не достигается, что подо всем становлением нет такого великого единства, в котором индивид мог бы окончательно потонуть как в стихии высшей ценности, то единственным *исходом* остается возможность осудить весь этот мир становления как марево и измыслить в качестве *истинного* мира новый мир, потусторонний нашему. Но как только человек распознает, что этот новый мир со-

⁹ Образа, вида (*лат.*).

здан им только из психологических потребностей и что он на это не имел решительно никакого права, возникает последняя форма нигилизма, заключающая в себе *неверие в метафизический мир*, запрещающая себе веру в *истинный мир*. С этой точки зрения реальность становления признается *единственной* реальностью и воспрещаются всякого рода окольные пути к скрытым мирам и ложным божествам; но с другой стороны, *этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым...*

Что же в сущности произошло? Сознание отсутствия всякой *ценности* было достигнуто, когда стало ясно, что ни понятием «цели», ни понятием «единства», ни понятием «истины» не может быть истолкован общий характер бытия. Ничего этим не достигается и не приобретает; недостает всеобъемлющего единства во множестве совершающегося: характер бытия не «истинен», а *ложен...* в конце концов, нет более основания убеждать себя в бытии *истинного мира...* Коротко говоря, категории «цели», «единства», «бытия», посредством которых мы сообщили миру ценность, снова *изъеются* нами – и мир кажется *обесцененным...*

В.

Положим, мы осознали, в какой мере нельзя более *истолковывать* мир посредством этих *трех* категорий и что вслед за этим признанием мир начинает утрачивать для нас свою ценность, в таком случае мы должны спросить себя, *откуда берет начало* наша вера в эти три категории: попытаемся,

нельзя ли отказать и им в нашем доверии! Если нам удастся *обесценить* эти три категории, то доказанная неприменимость их к целому перестанет быть основанием к тому, чтобы *обесценивать это целое*.

Результат: *вера в категории разума* есть причина нигилизма, мы измеряли ценность мира категориями, которые *относятся к чисто вымышленному миру*.

Конечный результат: все ценности, посредством которых мы доныне сперва пытались сообщить миру ценность, а затем ввиду их неприменимости к нему *обесценивали* его – все эти ценности, рассматриваемые психологически, суть результаты определенных утилитарных перспектив, имеющих в виду поддержание и усиление идеи человеческой власти, и только ложно *проецированы* нами в существо вещей. Это все та же *гиперболическая наивность* человека – полагать себя смыслом и мерой ценности вещей...

13

Нигилизм представляет собой патологическое *промежуточное состояние* (патологична огромность обобщения, заключение к *полному отсутствию смысла*): в данном случае либо продуктивные силы не имеют еще надлежащей мощи, либо декаданс еще медлит и его вспомогательные средства еще не изобретены им.

Предпосылка этой гипотезы: нет никакой истины; нет аб-

солютных свойств вещей, нет «вещи в себе». *Это само по себе только нигилизм, и притом крайний.* Он видит ценность вещей именно в том, что этим ценностям не соответствует и не соответствовало *никакой* реальности, но что они представляют лишь симптом силы на стороне *устанавливающих ценности, упрощения в целях жизни.*

14

Ценности и их изменения стоят в связи с *возрастанием силы лица, устанавливающего ценности.*

Степень *неверия* и допускаемой «свободы духа» как *мерило* *возрастания силы.*

«Нигилизм» как идеал *высшего могущества* ума, избытка жизни, частью разрушительный, частью иронический.

15

Что есть *верование*? Как возникает оно? Всякое верование есть *признание чего-либо за истинное.*

Крайней формой нигилизма был бы тот взгляд, что *всякое* верование, всякое признание чего-либо за истинное неизбежно ложно, ибо *вовсе не существует истинного мира.* Следовательно, это иллюзия перспективы, источник которой заключен в нас самих (поскольку мы постоянно *нуждаемся*

в более узком, сокращенном, упрощенном мире). А затем, *что мерилом наших сил* служит то, в какой мере можем мы, не погибая от этого, признать эту *иллюзорность* и эту необходимость лжи.

Такой нигилизм как *отрицание* истинного мира, бытия, мог бы быть *божественным образом мысли*.

16

Если мы и «разочарованные», то не по отношению к жизни, у нас лишь открылись глаза на «желательность» всех видов. С насмешливой злобой смотрим мы на то, что называется «идеалами»; мы презираем себя лишь за то, что не всегда можем подавить в себе то нелепое движение чувства, которое называется идеализмом. *Дурная привычка* сильнее, нежели гнев *разочаровавшегося*.

17

В какой мере нигилизм Шопенгауэра все еще является следствием того же идеала, который создал христианский теизм. Степень уверенности по отношению к высшим объектам желаний, высшим ценностям, высшему совершенству была так велика, что философы *исходили* из нее *a priori*¹⁰, как

¹⁰ Независимо от опыта, букв.: до опыта (лат.).

из *абсолютной уверенности*: «Бог» – на вершине как *данная истина*. «Уподобиться Богу», «слиться с Богом» – в продолжение тысячелетий это были самые наивные и убедительнейшие объекты желаний (но то, что убеждает, тем самым еще не становится истинным: оно только *убедительно*. Примечание для ослов).

Мы разучились признавать за этим строем идеалов также и *реальность лица*: мы стали атеистами. Но разве мы отреклись от самого идеала? Последние метафизики, по существу дела, все еще именно в нем ищут истинную реальность, «вещь в себе», по отношению к которой все остальное имеет лишь кажущееся существование. Но догматом их осталось то положение, что ввиду явного *несоответствия* нашего мира явлений сказанному идеалу мир этот не есть «истинный» и даже в основе своей не восходит к тому метафизическому миру как к своей причине. Безусловное, поскольку оно есть высшее совершенство, не может служить основой для всего условного. Шопенгауэру, который стремился доказать обратное, нужно было мыслить эту метафизическую основу как нечто противоположное идеалу, как «злую, слепую волю»; как таковая, она могла затем стать тем «являющимся», которое открывается в мире явлений. Но и этим путем он еще не отрекался от абсолютности идеала, он только нашел лазейку...

(Канту казалась необходимой гипотеза «умопостигаемой

свободы», чтобы снять с *ens perfectum*¹¹ ответственность за данный характер *этого* мира, одним словом, чтобы объяснить зло и грех: логика скандальная – для философа...)

18

Самый общий признак современной эпохи: невероятная убыль достоинства человека в его собственных глазах.

Долгое время он вообще средоточие и трагический герой бытия; затем он озабочен по меньшей мере тем, чтоб установить свое родство с решающей и ценной в себе стороной бытия; так поступают все метафизики, желающие удержать *достоинство человека* верою в то, что моральные ценности суть кардинальные ценности. Кто расстается с Богом, тот тем крепче держится за веру в мораль.

19

Всякая исключительно *моральная* система ценностей (например, буддийская) *приводит к нигилизму*, это грозит Европе! Думают обойтись одним морализмом, без религиозной основы; но это неизбежный путь к нигилизму. В религии отсутствует необходимость смотреть на нас *самих* как на твор-

¹¹ *Ens perfectum* (лат.) – «сущее совершенно», важнейший постулат Канта о совершенстве существующего мира.

Вопрос нигилизма «зачем?» ведет происхождение от нашей давней привычки, в силу которой цель казалась установленной, данной *извне* как требование именно неким *сверхчеловеческим авторитетом*. После того как мы разучились верить в этот авторитет, мы все еще по старой привычке ищем *иного* авторитета, который *мог бы говорить с безусловностью и мог бы предписывать нам задачи и цели*. Авторитет *совести* выступает теперь на первый план (чем *мораль* свободнее от богословия, тем она становится повелительнее) как возмещение утраты *личного* авторитета. Или же авторитет *разума*. Или *общественный инстинкт* (стадо). Или, наконец, «*история*» с неким имманентным духом, история, имеющая цель в себе и которой можно *свободно отдаться*. Мы хотели бы *избегнуть* необходимости *воли, воления* цели, риска *самим* ставить себе цель, хотели бы сложить с себя ответственность (мы приняли бы *фатализм*). В конце концов, *счастье* и, с некоторой долей тартюфства, *счастье большинства*.

Мы говорим себе:

- 1) определенная цель вовсе не нужна,
- 2) предусмотреть ее невозможно.

Как раз теперь, когда нужна *воля в высшей мере ее силы*,

она всего слабее и малодушнее. Абсолютное недоверие к организующей способности воли для целого.

21

Совершенный нигилист. Глаз нигилиста *идеализирует* в сторону безобразия, творит предательство по отношению к собственным воспоминаниям: он пренебрегает ими, дает им поникнуть, осыпаться, он не ограждает их от той мертвенно-бледной окраски, которую бессилие разливает на все далекое и прошедшее. И то, чего он не делает по отношению к себе самому, не делает он и по отношению к прошлому всего человечества: он пренебрегает им.

22

Нигилизм. Он может иметь двоякое значение:

А. Нигилизм как *знак повышенной мощи духа: активный* нигилизм.

В. Нигилизм как *падение и регресс мощи духа: пассивный* нигилизм.

23

Нигилизм – естественное состояние.

Он может быть показателем *силы*: мощь духа может так возрасти, что ныне существующие цели («убеждения», символы веры) перестанут соответствовать ей (верование в общем именно и выражает собой принудительность некоторых *условий существования*, подчинение авторитету таких условий, при которых человеческое существо *благоденствует, растет, приобретает власть...*); с другой стороны, нигилизм – показатель *недостатка* силы, способности вновь творчески *поставить* себе некую цель, некое «зачем», новую веру.

Максимум относительной силы он достигает как насилие, направленное на *разрушение*, – как *активный нигилизм*.

Противоположностью его был бы *усталый* нигилизм, утративший *поступательность*; его знаменитейшая форма – буддизм как пассивный нигилизм, как знамение слабости: сила духа может быть так утомлена, *истощена*, что все *дотоле существовавшие* цели и ценности более не соответствуют ей и уже не вызывают веры к себе, что синтез ценностей и целей (на котором покоится всякая мощная культура) распадается и отдельные ценности восстают одна на другую (*разложение*), что только все утешающее, целящее, успокаивающее, заглушающее выступает на передний план под разнообразными *масками*: религиозной, или моральной, или политической, или эстетической и т. д.

Нигилизм есть не только размышление над «тщетностью» и не только вера в то, что все достойно гибели, он сам помогает делу, *сам губит*. Это, пожалуй, *не логично*, но нигилист не верит в необходимость быть логичным... Это состояние сильных умов и воли; таковым же невозможно остановиться на «нет» как на отвлеченном приговоре, «нет» как деяние вытекает из их природы. То, что приговором объявляется не имеющим права на существование, вслед за тем действием приводится к несуществованию.

К генезису нигилиста: лишь поздно является мужество признать то, что, собственно говоря, уже *знаешь*. Только недавно признался я себе в том, что я до сих пор был в корне нигилистом: та энергия и беззаботность, с которой я успешно подвигался в своем нигилизме, заслоняла мне этот основной факт. Когда идешь к какой-нибудь цели, то кажется невозможным, чтобы «бесцельность как таковая» была твоим основным догматом.

Пессимизм людей энергии: «зачем?», являющееся после страшной борьбы, даже победы. Есть нечто в тысячу раз более важное, чем вопрос о том, хорошо ли нам или плохо, – таков основной инстинкт всех сильных натур, а отсюда и отношение к вопросу о том, хорошо ли или плохо другим. Одним словом, возможна некая цель, ради которой без колебания приносят человеческие жертвы, идут на все опасности, берут на себя все дурное, даже худшее, – великая страсть.

2. Дальнейшие причины нигилизма

Причины нигилизма: 1) нет высшего вида человека, то есть того, неисчерпаемая плодотворность и мощь которого поддерживала в человечестве веру в человека. (Достаточно припомнить, чем мы обязаны Наполеону: почти всеми высшими надеждами этого столетия.)

2) Низший вид («стадо», «масса», «общество») разучился быть скромным и раздувает свои потребности до размеров космических и метафизических ценностей. Этим вся жизнь вульгаризируется: поскольку властвует именно масса, она

тиранизирует *исключения*, так что эти последние теряют веру в себя и становятся *нигилистами*.

Все попытки *измыслить более высокие типы* потерпели неудачу («романтика»; художник, философ; и это несмотря на попытки Карлейля¹² придать им высшие моральные ценности).

Противоборство высшим типам как результат.

Падение и ненадежность всех высших типов. Борьба против гения («народная поэзия» и т. д.). Сострадание к низшим и страждущим как *масштаб величия души*.

Нет философа, толкователя дела, *не только* излагателя его в другой форме.

28

Неполный нигилизм, его формы: мы живем среди них.

Попытки избежать нигилизма, не переоценивая бывших до сего времени в ходу ценностей; они приводят к обратному результату, обостряют проблему.

29

Способы одурманивать себя. В глубине сердца не знать,

¹² Карлейль Томас (1795–1881) – британский (шотландский) писатель, историк и философ. Видел смысл дальнейшего хода истории в создании новой (культурной) элиты.

где исход? *Пустота*. Попытка преодолеть это состояние опьянением: опьянение как музыка, опьянение как жестокость в трагическом самоуслаждении гибелью благороднейшего, опьянение как слепое и мечтательное увлечение отдельными *личностями* и *эпохами* (как ненависть и т. д.). Попытка работать, не задумываясь, как орудие науки; уметь находить себе ряд маленьких наслаждений, между прочим и в деле познания (скромность по отношению к самому себе); отказ от обобщений, относящихся к самому себе, возвышающийся до некоторого пафоса; мистика, сладострастное *наслаждение* вечной пустотой; искусство «ради него самого» («le fait»)¹³, «чистое познание» как наркотики против отращения к самому себе; *кое-какая* постоянная работа, *какой-нибудь* маленький глупый фанатизм; все средства вперемежку, болезнь, вызванная общей неумеренностью (распутство убивает удовольствие).

1) Слабость воли как результат.

2) Крайняя гордость и унижение от сознания своих мелких слабостей, *ощущаемые* благодаря контрасту.

30

Близится время, когда нам придется *расплатиться* за то, что целых два тысячелетия мы были *христианами*: мы поте-

¹³ «ФАКТ» (*фр.*).

ряли *устойчивость*, которая давала нам возможность жить, мы некоторое время не в силах сообразить, куда нам направиться. Мы стремглав бросаемся в *самые противоположные* оценки с той степенью энергии, какую всегда возбуждала в человеке такая крайняя *переоценка* человека.

Теперь все насквозь лживо, все – «слово», все спутанно, или слабо, или чрезмерно:

а) делается попытка некоторого рода *земного решения вопроса*, но в том же смысле – в смысле *конечного торжества* истины, любви, справедливости (социализм: «равенство личности»);

б) равным образом делается попытка удержать *моральный идеал* (с предоставлением первого места неэгоистическому, самоотречению, отказу от воли);

с) делается даже попытка удержать «потустороннее», хотя бы только как антилогический *x*; но оно немедленно же истолковывается так, чтобы из него могло быть извлечено некоторого рода метафизическое утешение в старом стиле;

д) пытаются вывести из совершающегося наличность *божественного водительства в старом стиле*, награждающего, карающего, воспитывающего, ведущего к *лучшему* порядку вещей;

е) как и прежде, верят в добро и зло, так что победа добра и уничтожение зла воспринимаются как *задача* (это характерно для англичан: типичный случай – плоский ум Джона

Стюарта Милля)¹⁴;

ф) презрение к «естественности», к вожделению, к ego; попытка понять даже высшую духовность и искусство как следствие отречения от своей личности и как *désintéressement*¹⁵;

г) Церкви предоставляется право все еще вторгаться во все существенные переживания и главные моменты в жизни отдельного лица, чтобы дать им *освящение, высший смысл*: мы все еще имеем «христианское государство», «христианский брак».

31

Бывали более мыслящие и более растворенные мыслью времена, чем наше: как, например, то время, когда выступил Будда; тогда сам народ, после столетий старых споров между сектами, в конце концов столь же глубоко заблудился в ущельях философских мнений и учений, как некогда европейские народы в тонкостях религиозной догмы. «Литература» и пресса всего менее могут соблазнить нас быть высокого мнения о «духе» нашего времени: миллионы спиритов и христианство с гимнастическими упражнениями, ужасаю-

¹⁴ *Милль Джон Стюарт* (1806–1873) – английский философ, экономист, общественный деятель. Считал, что в основе нравственности должны лежать соображения пользы (добра, счастья и т. д.), которую может принести то или иное действие либо отказ от него.

¹⁵ Бескорыстие (*фр.*).

щими по своему безобразию, характерному для всех английских изобретений, дают нам лучшие точки зрения.

Европейский *пессимизм* еще только при своем начале – свидетельство против него самого: в нем еще нет той необычайной, исполненной тоски и стремления неподвижности взора, отражающего Ничто, которые он имел когда-то в Индии; в нем еще слишком много «деланного», а не «соделавшегося», слишком много пессимизма ученых и поэтов; мне кажется, что добрая часть в нем придумана и присочинена; «создана», но не есть *«первооснова»*.

32

Критика бывшего до сих пор *пессимизма*. Отклонение эвдемонологических¹⁶ точек зрения как окончательного сведения к вопросу: какой это имеет *смысл*? Редукция омрачения.

Наш пессимизм: мир не имеет всей *той* ценности, которую мы в нем полагали, сама наша вера так повысила наши стремления к познанию, что мы *не можем* теперь не высказать этого. Прежде всего, он является таким образом менее ценным – таким мы *ощущаем* его *ближайшим образом*, только в этом смысле мы пессимисты, то есть поскольку мы твердо решили без всяких уверток признать себе в этой переоценке и перестать на старый лад успокаивать себя разными

¹⁶ *Эвдемонологический* – прил. к «эвдемонизм» (восходящее к античности представление о счастье как результате сознательного отказа от погони за ним).

песнями и лгать себе всякую всячину.

Именно этим путем мы и обретаем тот пафос, который влечет нас на поиски *новых ценностей*. In summa: мир имеет, быть может, несравненно большую ценность, чем мы полагали, мы должны убедиться *в наивности наших идеалов* и открыть, что мы, быть может, в сознании, что даем миру наивысшее истолкование, не придали нашему человеческому существованию даже и умеренно соответствующей ему ценности.

Что было *обожествлено*? – Инстинкты ценности, господствовавшие в *общине* (то, что делало возможным ее дальнейшее существование).

Что было *оклеветано*? – То, что *обособляло* высших людей от низших, стремления, разверзающие пропасти.

33

Причины появления пессимизма:

1) то, что самые могущественные и чреватые будущим инстинкты жизни до сих пор *были оклеветаны*, вследствие чего над жизнью нависло проклятие;

2) то, что возрастающая храбрость и все более смелое недоверие человека постигают *неотделимость этих инстинктов* от жизни и становятся лицом к лицу с жизнью;

3) то, что процветают только *посредственности*, вовсе не *сознающие* этого конфликта, что более одаренные, напротив,

вырождаются и, как продукт вырождения, восстанавливают против себя, что, с другой стороны, посредственность, выставляя себя как цель и смысл жизни, *вызывает негодование* (что никто не может больше ответить на вопрос: *зачем?*);

4) то, что измельчание, чувствительность к страданию, беспокойство, торопливость, суэта постоянно возрастают, что *представление себе* всей этой сутолоки, так называемой «цивилизации», становится все легче, что единичные личности пред лицом этой ужасающей машины *приходят в уныние и покоряются*.

34

Современный пессимизм есть выражение бесполезности *современного* мира, не мира и бытия вообще.

35

«Преобладание *страдания над удовольствием*» или обратное (гедонизм): оба эти учения уже сами по себе указывают путь к нигилизму...

Ибо здесь в обоих случаях не предполагается какого-либо иного последнего *смысла*, кроме явлений удовольствия или неудовольствия.

Но так говорит порода людей, уже не решающаяся более

утверждать некую волю, намерение или *смысл*: для всякого более здорового рода людей вся ценность жизни не определяется одною лишь мерою этих второстепенных явлений. Возможен был бы *перевес* страдания и, *несмотря на это*, могучая воля, *утверждение* жизни, потребность в этом перевесе.

«Не стоит жить», «покорность», «какую цель имеют эти слезы?» – вот бессильный и сентиментальный образ мышления. «Un monstre gai vaut mieux qu'un sentimental ennuyeux»¹⁷.

36

Нигилист-философ убежден, что все совершающееся бессмысленно и напрасно; между тем не должно быть бессмысленному и напрасному бытию. Но откуда это «не должно»? Откуда берутся *этот* «смысл», *эта* мера? В сущности, нигилист полагает, что лицезрение такого бесполезного, бесплодного бытия должно приводить философа в состояние *неудовлетворенности*, вызывать в нем чувство душевной пустоты и отчаяния. Такой вывод противоречит нашей утонченнейшей чувствительности как философов. Это сводится в конце концов к следующей нелепой оценке: характер бытия *должен доставлять удовольствие философу*, раз это бытие желает быть таковым по праву...

¹⁷ «Лучше веселое чудовище, чем сентиментальный зануда» (фр.).

Однако легко понять, что в пределах совершающегося удовольствие и неудовольствие могут иметь лишь смысл *средств*, не говоря уже о том, что неизвестно еще, *можем ли мы вообще усматривать «смысл», «цель»* и не остается ли для нас неразрешимым вопрос о «бессмыслии» и о противоположности ему.

37

Развитие *пессимизма* в *нигилизм*. Извращение *ценностей*. Схоластика ценностей. Отрешенные, идеалистические ценности, вместо того чтобы господствовать над действиями и руководить ими, обращаются с осуждением *против* действия.

Противопоставления, занявшие место естественных ступеней и рангов. Ненависть к иерархизму. Противопоставления соответствуют эпохе господства черни, ибо они *общедоступней*.

Отвергнутый мир противопоставляется искусственно воздвигнутому «истинному, ценному». Наконец, делается открытие, из какого материала был построен «истинный мир», и нам остается один только «отвергнутый мир», и *это высшее разочарование обосновывает его негодность*.

Таким образом, налицо *нигилизм*: остались одни *осуждающие оценки*, и ничего больше!

Из этого вытекает *проблема силы и слабости*:

1) Слабые гибнут от этого.

2) Более сильные уничтожают то, что еще оставалось целым.

3) Сильнейшие преодолевают осуждающие оценки. *Все это, вместе взятое, и составляет трагическую эпоху.*

3. Нигилистическое движение как выражение декаданса

38

В последнее время много злоупотребляли случайным и во всех отношениях неподходящим словом: везде говорят о «пессимизме», идет борьба вокруг вопроса, на который должны найтись ответы, кто прав – пессимизм или оптимизм.

Не было понято то, что, казалось, лежало как на ладони; а именно, что пессимизм не проблема, а *симптом*, что это название следует заменить «нигилизмом», что вопрос о том, что лучше – бытие или небытие – сам по себе уже болезнь, признак падения, идиосинкразия.

Нигилистическое движение есть лишь выражение физиологического декаданса.

Следует понять: всякого рода упадок и заболевание непрестанно принимали участие в создании общих оценок; в получивших господство оценках декаданс достиг даже некоторого перевеса; нам приходится бороться не только против реальных последствий всяческого современного ужаса вырождения, но и весь *дотоле проявившийся* декаданс еще не сыграл своей роли, то есть продолжает *жить*. Подобное общее отклонение человечества от своих коренных инстинктов, подобный общий декаданс в деле установления ценностей есть вопрос *par excellence*¹⁸, основная загадка, которую задает философу животное – «человек».

Понятие «декаданса». Отпадение отдельных частей, упадок, отброс сами по себе еще не заслуживают осуждения: это необходимое следствие жизни, жизненного роста. Появление декаданса так же необходимо, как любое восхождение и поступательное движение в жизни: не в нашей власти *устранить*

¹⁸ По преимуществу, истинный (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.